Юлия Соло

Слепые боги. Книга 2. Деревянные боги

18+

Юлия Соло

Слепые боги. Книга 2. Деревянные боги

«Автор»
2026

Соло Ю.

Слепые боги. Книга 2. Деревянные боги / Ю. Соло — «Автор», 2026

2026 год. Москва выключена в глухом оффлайне каскадным тектоническим ударом Русской плиты. Под расплавленным свайным основанием Сити, на глубине Пикета-24, ликвидаторы натыкаются на мертвый советский проходческий щит «ЩН-1м», намертво вплавленный в тело Первородного Змея вместе с застывшими в обсидиане метростроевцами сорок первого года.980 год. Киевский Подол задыхается от известкового токсикоза и болотного метана. Владимир-CEO закупает византийскую франшизу Крещения, чтобы превратить монотеизм в единый облачный сервис по сбору десятины. Но земля не держит фазу.Инженер Макар в будущем и порченый гридень Одоба в прошлом замыкают один и тот же высоковольтный кабель Договора сквозь толщу десяти веков. Время рвется по живому. Железо плачет. СНиПы рушатся, превращая мегаполис и детинец в единый геологический обсидиановый монолит.Второй том монументального индустриально-геологического эпоса. Жесткий ведомственный нуар на стыке двух эпох. Добро пожаловать под свинцовый купол.

© Соло Ю., 2026
© Автор, 2026

Юлия Соло
Слепые боги. Книга 2. Деревянные боги

Книга 2. «Деревянные боги»

Акт I. Вертикаль поглощения (Политика и Известь)

Пролог. Корсунь (Бизнес-план)

В подвальном скриптории корсунского епископа пахло не ладаном. Пахло прелой телячьей кожей, винным осадком, мокрым мелом и кислым составом, которым греки смывали золото с языческих чаш. Окна-щели, вырубленные в двухметровом известняке херсонесской кладки, выходили на южную бухту; оттуда сквозь соленый черноморский сквозняк доносился мерный, поршневой стук — рабы на верфях забивали сваи в прибрежную гальку, укрепляя причал под византийские дромоны. [1]

Владимир, недавно взявший Киев и зачистивший брата Ярополка, сидел на низком мраморном обрубке, не снимая засаленного дорожного плаща. На его коленях лежала сухая, нарезная берестяная плашка — первый консолидированный баланс его новой восточноевропейской корпорации. [1]

— Твой софт устарел, Анастас, — Владимир заговорил хрипло, ломая греческие термины на славянские слоги, как СНиПы на костяные бирки. — Твой поп Леон поет красиво, но емкость рынка они не держат. Мне в Киеве не кадила нужны, мне нужен сквозной учет. У меня кассовый разрыв по меду, Полоцк висит как токсичный актив, а новгородские гости за каждый воз пушнины требуют долю в пушном трафике Десны. Варяги Халля сидят в детинце, жрут овес и грозятся уйти к булгарам, если я не выплачу им долю по актам утилизации. Мне нужна монополия, грек. Единый реестр дымов от Волхова до порогов. [1]

Анастас Корсунянин, сидевший за конторкой и споро обрезавший гусиное перо железным резцом, цинично ухмыльнулся. В его глазах, отражавших масляный нагар лучины, не было страха перед Богом. Там был голый византийский прагматизм. [1]

— Княже, ты путаешь веру с логистикой, — Анастас бросил перо на пергаментный чертеж херсонесского детинца. — Твои деревянные идолы на холмах — это примитивные дрова. Локальные франшизы. Перун держит фазу в Киеве, но вятичи в лесах его не знают, у них там свой Велес в болоте налоги омыляет. Монотеизм — это не про любовь, Владимир. Это про единый стандарт напряжения в сети. Христианство — это SAAS-модель. Облачный сервис, где десятина стекается в один ГЩУ, а Книга в пергаменте фиксирует недобор мощности в каждом амбаре. Мы дадим тебе этот софт. Дадим иконы, известь, литургический регламент и кадры. Но Константинополь требует долю в пушном рынке и стопроцентное заземление Свароговой жилы. [1]

Владимир взял со стола медную византийскую фоллу — монета была тонкой, ровной, с четким оттиском императорского лица. Нажал пальцем — медь не пухла и не сыпалась мелом, как его собственные киевские гривны у Змиева вала. Железо Порядка держало структуру структуры. [1]

— ROI какой? — князь бросил монету обратно на пергамент. — Сколько серебра даст Корсунь на первичную инфраструктуру? На обжиг извести под фундаменты Десятинной башни? [1]

— Сорок тысяч номисм под залог смоляного вара и тридцать ладей с готовой плинфой, — Анастас наклонился ближе, его голос перешел на сухой релейный шепот. — Но демонтаж старых подстанций ты проводишь сам. Перуна — в воду, волхвов — под известь. Нам не нужны паразитные шунты на Черниговском шляхе. Выжигай языческий хаос, Владимир. Корпорация «Детинец» должна стать единственным оператором Русской плиты. [1]

Князь медленно поднялся, кивнув Добрыне у дверей. Сделка была закрыта. Под ногами, глубоко в базальтовом основании Корсуни, тектонический маятник качнулся: Византия продавала Руси франшизу заземления в обмен на тоннаж калорий, и контур Второго тома заварился намертво.

Акт I. Вертикаль поглощения (Политика и Известь)

Глава 1. Контур блокировки

Макар очнулся от запаха озона и тишины. В ушах стоял тонкий, непрерывный высокочастотный писк, от которого сводило челюстные кости — так звенит в черепе после близкого разрыва фазного фидера спецсвязи. Он лежал на спине, глядя в рваный, закопченный пролом бетонного потолка. Там, над пятью слоями перекрытий, над расплавленным свайным основанием башни «Федерация», вставало серое известковое ноябрьское солнце, но сюда, на дно шурфа Д-6, его свет падал грязными, слепыми полосами. Мегаполис лежал в глухом оффлайне, прижатый к грунту тектоническим ударом Нави. [1]

Лера сидела у противоположной стены коллектора. Она больше не дрожала. Она сидела идеально ровно, намертво привалившись спиной к оголенной медной шине третьего ввода, и смотрела прямо перед собой в темноту туннеля. Макар окликнул её — голос прозвучал плоско, без эха, увязая в сухой бетонной пыли. Никакой реакции. Он подполз ближе, преодолевая сухую судорогу в коленях, и щелкнул пальцами перед её открытыми глазами. Кварцевые зрачки Леры не дрогнули, оставив узкими матовыми точками, лишенными софта человеческой памяти. [1]

Её кожа стала полупрозрачной, кристаллической, как вековой речной лед Сварога, а на губах выступила плотная сизая изморозь, хотя в шурфе было душно и раскаленно от перегрузки подстанции. Макар коснулся её щеки. Пальцы мгновенно обожгло мертвенным, сухим холодом диэлектрика. Лера не была мертва в биологическом смысле. Но её нервная система полностью замещалась кристаллической структурой ландшафтного шунта; она зафиксировала нулевой потенциал Москвы, превратившись в вечную термопару, удерживающую баланс сил между давлением бункера и яростью плиты. [1]

Макар посмотрел на свои руки. Правой ладони ниже локтя не было — обугленная культя намертво, до самого костного мозга, сплавилась с латунной клеммой рубильника общего ввода, превратившись в постоянный силовой шунт. Левая, серо-костяная рука, лишенная пор и ногтей, лежала на животе как чужой кусок антрацита. Сквозь полупрозрачный серый луб кожи проступали миллионы пульсирующих фиолетовым неоном дорожек, повторявших topography вятичских Змиевых валов. [1]

Он попытался нажать кнопку на тактильном планшете, висевшем на лямке разорванной разгрузки Леры, но электронный экран покрылся косой сеткой трещин и выгорел наглухо. Электромагнитный импульс «Чистого листа» уничтожил кремниевую полупроводниковую базу Сити в радиусе пяти километров. Цифровой мир мегаполиса лопнул, оставив только аналоговую механику сороковых годов. [1]

Из разбитого, оплавленного динамика старой советской рации связи ГО, висевшей на стене шурфа, раздался тяжелый, рваный треск статики. Мембрана захрипела, и сквозь треск короткого замыкания пробился плоский, сорванный озоном голос Пашки: [1]

— ...сектор Д-6... прием... Макар, фаза на массу пошла, слышишь? — Пашка хрипел из Эфира, и его слова отдавались сухими релейными щелчками в черепе инженера. — Частота в сети падает... Они кабель подстанции на загородку замкнули, амперaж выжигают... Макар, не поднимай антенну, они тебя пасут по контуру... Леру держи, она сейчас сухой щит... [1]

Макар прижал ухо к полу коллектора. Земля под силикатным заводом мелко, непрерывно вибрировала. Шведовские ликвидаторы на поверхности выставляли габионы и известь,

пытаясь запереть аномалию, но Навь уже переписывала СНиПы города. Москва выключилась, превратившись в аналоговую распределительную плату, где Макар оставался единственным живым Штурманом, координирующим оффлайн-экспансию Ядро. [1]

Глава 2. Возвращение Выжига

Корточки резали сухожилия. Одоба стоял в мытной очереди у Подольских ворот детинца, глубоко увязая разбитыми сапогами в жирной серой жиже строительного залома. Вокруг разворачивалась стройка века: сотни обросших грязным мхом смердов с натужным воем тащили на пеньковых канатах лиственничные бревна, надрывно визжали костяные пилы, а из свежих траншей транзитного рва разило удушливой, парящей сыростью и каленой гашеной известью. Подол пах как огромный, незаземленный скотомогильник — мокрой овечьей шерстью, кислым конским потом и тухлым костным пеплом требных ям. Избы-полуземлянки лепились друг к другу без всякого плана, их дерновые крыши прогибались под весом ноябрьского обледенелого наста. [1]

Надвратную башню охраняли не сказочные витязи Владимира, а угрюмые киевские наемники в ржавых, изъеденных болотным метаном кольчугах. Они стояли цепью у створов, перехватив дубовые палицы с вбитыми кремниевыми осколками. Досмотр шел жестко: стража обыскивала прибывающие возы лесных родов не на железное оружие — они искали контрабандный деготь, соль-коплянку и скрытую куницу. [1]

— Чё везешь, лесной? — молодой гридень со шрамом на губе бесцеремонно ткнул Одобу черенком лопаты прямо в обгоревшее правое бедро. — Мех есть? Вар березовый привез? Нету? Проваливай обратно в топь, щепа, пока ноги по рант не обрубили. У нас тут не вечевский сход, тут Владимир сел. Тут десятина по ведомости. Работает заслон. [1]

Одоба не ответил. Горло забило едкой щелочной пылью, оседавшей на его обветренных губах соленой накипью. Он медленно вытащил из-за пазухи обрывок грязной сыромятной кожи. Развернул. На его ладони, покрытой серой змеиной корой, тусклым фиолетовым неоном вспыхнул тяжелый, граненый кусок метеоритного Сварогова железа — тот самый Ключ, который он вырвал из Выдубицкого залома. Фиолетовый отблеск матово лег на обледенелые кольца кирасы стражника, и металл доспеха под этим лучом мгновенно зашипел, подернувшись пушистым рыжим налетом сухой гнили. [1]

Наемник мгновенно изменился в лице. Панический страх перед пограничной Хтонью вымел из его головы весь уставной цинизм. Он отшатнулся на три шага, едва не повалившись в известковый чан. [1]

— Проходи... проходи, Выжиг, — прохрипел гридень, судорожно крестясь левой рукой. — К князю? Он в подклети... Контур заждался. Пропускай его, Некрас! [1]

Одоба туго завернул камень обратно в кожу и пошел вверх по Боричеву увозу, волоча изувеченную ногу по спекшемуся обсидиановому насту межи. [1]

В княжьего тереме Детинца пахло сухим византийским кипарисом, свежим воском и прокисшим греческим вином из кожаных мехов. Но Владимир сидел не на позолоченном троне империи. Князь навалился грудью на тяжелую дубовые плаху стола, заваленного берестяными грамотами, нарезными бирками и планами каменных фундаментов Анастаса. На нем был засаленный кожаный кафтан, протертый под мышками, а пальцы в жестких рукавицах споро, со звуком раздавливаемых фарфоровых чашек, щелкали деревянными костяшками на тяжелых купеческих счетах, сводя баланс утреннего полюдья. [1]

— Ну шо, здравствуй, Выжиг, — Владимир не поднял головы от бересты, его редкая борода была испачкана бараньим жиром, а под глазами висели серые мешки хронического перегруза. — Слыхал я, как ты Подол притопил. Рука левая у тебя, гляжу, совсем околела. Чер-

ная кость наружу, пор нет, проводимость нулевая. Хороший шунт получился из тебя, Одоба. Держит фазу под Лысовой горой? [1]

— Держит, — Одоба остановился у дверей, уперев черен костяной лопаты в обледенелый пол. Под его волчьей шкурой испуганно заскулил трехногий щенок, но Выжиг жестко прижал его к ребрам антрацитовым предплечьем. — Держит, пока я стою на меже Жданова рода. Но если ты, Князь, мне долю с мытного дегтя не поднимешь на два деления — я контур разомкну. Мне твои византийские пергаменты без надобности. Мне нужен чистый проход к шурфам лесовиков. [1]

Владимир медленно поднял мутный, налитый свинцовой усталостью взгляд. В его зрачках не было жреческого страха — там была голая калькуляция CEO государственной корпорации. [1]

— Ждан — это токсичный актив, Выжиг, — князь хмуро швырнул обломок бересты на стол. — Он пушнину по актам не сдает, под меня копает, прячет медь в норах. Но ты прав в одном: известь, которую греки везут из Корсуни, — это полное дерьмо. Она воду Нави в шурфах не держит, омылила мне все нижние водоносы Подола, родники встали колом. Нам нужен металл. Кузнечный лом. Медь. Много меди, чтобы связать «Ковчег» детинца с плитой. Ты будешь моим прорабом по Нави, Одоба. Будешь заземлять контуры застав по моему СНиП-протоколу. Спишем Ждана в убыток, заберем его людей под сваи. [1]

Владимир поднялся и повел Одобу на открытое прясло Сены, выходящее к руслу Почайны. Сверху река казалась узкой, мертвой, ее черное зеркало застывало под белым налетом гашеной извести. [1]

— Видишь, Выжиг? — Владимир указал пальцем вниз, на мытную косу у брода. — Здесь жила Сварогова железа ближе всего подходит к коре Яви. Если мы тут Перуна-громоотвода вобьем, он всю ярость неба, весь паразитный амперaж статики будет принимать на свои железные усы и уводить строго под подошву Русской плиты. Но база у холма слабая, глина ползет от сероводорода. Нам под идола нужно тридцать дубовых свай заложения бить. И известь лить чанами. Тоннами, чтобы схватить грунт намертво. [1]

Одоба смотрел на Почайну сквозь сизый озоновый угар, поднимавшийся от траншей. Трикстер внутри него хладнокровно фиксировал параметры: Владимир строил не святое место для молитв. Князь проектировал колоссальную примитивную атомную станцию на человеческом мясе лодочников, выжимая калории из вятичских нор ради фиксации своей имперской SAAS-модели. «Выжиг» как послушное орудие закончился. Начинался «Трикстер», просчитывающий обходной байпас. [1]

— Ладно, Князь, — Одоба с сухим костяным хрустом вогнал свой посох-ключ глубоко в серую известь насыпи, фиксируя точку начала обкатки путей. — Заземляемся. Давай медь. [1]

В ту же секунду сквозь толщу десяти веков инженер Макар внутри ГЩУ под «Федерацией» с костедробительным визгом вогнал медную клемму заземления в антрацитовый пласт метеорита. Вспышка дуги связала концы одного и того же провода: Одоба в X веке увидел в маслянистом зеркале Почайны серое, выжженное током лицо своего двойника из две тысячи двадцать шестого года, принимающего на себя всю паразитную емкость Москвы. Ловушка времени заварила шов намертво. [1]

лава 3. Карантинный периметр

Сухой треск статики в гарнитуре «Радий» бил по перепонкам с регулярностью метронома. Майор Шведов стоял в шлюзовом отсеке командно-штабного КУНГа, уперевшись кулаками в обрез металлического стола, заваленного распечатками аварийных схем Мосводостока. Тяжелый бронежилет «Корунд-ВМ» шестого класса защиты при каждом толчке работающего снаружи дизеля тупо, налито вдавливал жесткие керамические плиты в его ребра. В замкнутом

пространстве отсека пахло перегретым трансформаторным маслом, сырым тальком из дегазационных комплектов Л-1 и едким, сухим озоном.

Шведов не верил в чертовщину. Для него Боровицкий холм был зоной балансового прорыва инфраструктуры Корпорации, токсичным активом, который следовало запереть в бетонный периметр согласно уставному регламенту. В горле стояла сухая, горькая накипь от нагнетаемого вентиляторами воздуха — Система выгорала по всей длине Пикета-24, и датчики АСУДД выдавали стопроцентную блокировку фазных каналов.

— СБ-2, доложите плотность обжима, — Шведов переключил тумблер на панели, обрубая паразитные шумы канала спецсвязи. — Почему просадка по контуру? Почему автоматика не держит линию?

— Майор, тут реагенты не берут, — рация выплюнула хрип сержанта Выжимова вперемешку с сухим, лающим кашлем. — Мы загнали тридцать тонн силикатного состава в обделку коллектора, а он не встает. Жижа известковая, которую аналитики прислали для связки грунта, в шурфах просто омыляется, превращается в пену. Лямбда-зонды в выхлопе генератора сдохли. Керамика датчиков осыпалась пушистой трухой. Дизель жрет соляру, а отдача на фидерах стремится к нулю. Объект «Термопара» на глубине фонит так, что у нас аккумуляторы на радиостанциях плавятся за пять минут работы. Это не ремонт кабеля ФСБ, Шведов. Это ликвидация каскадного излома плиты.

— Отставить панику, Выжигов, — Шведов злобно ударил ладонью по столу, отчего текстолитовые клеммы на панели коротко звякнули. — СНиПы ПУЭ никто не отменял. Выкатывайте блоки ФБС на проезжую часть. Тяните АКЛ в три ряда по насту. Коротните резервный фидер подстанции напрямую на арматурную сетку забора. Нам нужен жесткий контур блокировки. Работайте.

Ликвидаторы СБ в тяжелых комбинезонах Л-1 раскидывали медные шины выравнивания потенциалов вокруг разверзающегося провала, пытаясь изолировать Леру-Матрицу от энергосистемы города. Но Навь пожирала полимеры и сталь быстрее, чем автоматика успевала регистрировать отказы.

Шведов видел это на мониторе тепловизора: экраны приборов ночного видения слепли, забитые белой статической рябью. Силуэт Ядра не излучал тепла, он выглядел как абсолютная температурная тень. Бензостойкая резина на бахилах штурмовиков от сухого озонового воздуха трескалась, превращаясь в серый луб, а стальные карабины страховочных систем покрывались рыжей пушистой ржавчиной сухой гнили за минуты. Направленный тектонический импеданс Русской плиты обнулял цифровой софт Корпорации.

— СБ-1, СБ-2, Протокол «Зачистка», — выплюнул Шведов в ларингофон, срывая ногти о заклинивший фиксатор распределительного щита. — Сливай соляру из левого бака прямо в шурф! Если мы не можем заземлить фазу, мы её закоротим на массу через термический сброс! Выжигай это к херам!

Майор перехватил тяжелый приклад автомата АК-74М и с размаху, с костедробительным хрустом обрушил его на силовой распределительный щит КУНГа, ломая текстолитовые платы и высекая каскад фиолетовых электрических искр. Он пытался вызвать принудительное короткое замыкание, чтобы искра подожгла разлитое в траншею дизельное топливо.

Произошел объемный, беспламенный инфразвуковой взрыв, пахнущий озоном, раскаленной виниловой изоляцией и жженой костью. КУНГ группы «Центр» завалился на левый борт, когда колеса ушли в бурлящую обсидиановую жижу. Шведов упал лицом на пульт, расшибая лоб о деревянные костяшки счетов оператора.

В этот самый момент в девятьсот восьмидесятом году Одоба-Трикстер на Подольском валу Киева навалился всем весом своего серого тела на костяной Ключ, вонзая его в раскаленный известняк фундамента и ломя этот встречный гидравлический удар в свои пустые антрацитовые зрачки. Ловушка времени заварила хронологический шов намертво.

Глава 4. Подольский залом

В подклети мытного двора пахло кислым березовым дегтем, забродившей ржаной мукой, прелой лосиной шерстью и тухлым костным мозгом. Воздух здесь был настолько густым от испарений сальных лучин, что пламя на железных светцах едва теплилось, увязая в углах тяжелым, маслянистым чадом. В этой анаэробной тесноте не было места для княжеского пафоса. Борята стоял над дубовым столом, заваленным берестяными грамотами, нарезными бирками и грязными холщовыми мешками. Он не чувствовал себя воеводой — он работал как старший кладовщик заставы, хладнокровно подсчитывающий биологическую амортизацию вятичского бора.

Вождь запустил пальцы в открытый мешок со смоляным варом, поднес к носу испачканную черную рукавицу и брезгливо сморщился.

— Кислый, — Борята выплюнул на гнилую соломенную подстилку пола соленый сгусток слюны. — Пережгли лесовики. Сучья осиновые в котел кидали ради экономии, вар структуру не держит. Волжские булгары такой деготь на ладьи не примут, они казанскую медь на говно менять не станут. Скидывай два пуда по весу, Некрас. Пиши в угар. И Жданов род из накладной вычеркивай. Нам гнилой трафик без надобности.

Напротив стола, кутаясь в тяжелую купеческую лису, сидел новгородский гость Жирослав. На его коленях покоился окованный костью короб с образцами северного импорта. Купчина не смотрел на лучины, он методично, со звуком раздавливаемой фарфоровой чашки, разгрызал сушеные бобы, сплевывая шелуху прямо под стол.

— Ты мне, Борята, зубы не заговаривай, — Жирослав бросил на дубовую плаху тяжелый серебряный слиток-гривну с новгородским клеймом. Металл упал без звона — с глухим, ватным шлепком, словно кусок сырого известняка. — Гляди на свою валюту. Это не серебро. Это труха. Твоя Сварогова межа его жрет быстрее, чем бабы щелочь в чанах гасят. Вчера тиуны из Киева привезли сорок гривен княжьего налога, а сегодня они в ларях пухнут и серым мелом рассыпаются. Владимир в Киеве думает, что Договор пергаментный его контур удержит, а у него вся экономика на Десне легла. Серебро не работает, Борята! Ладьи на бродах гниют. Купцы креститься начали, к попам бегут, думают — бесы, а у вас просто земля фазу не держит.

Борята взял слиток, с силой сдавил его пальцами. Металл поддался, как теплое техническое мыло, и разломился пополам, выдав на срезе пористую кварцевую структуру. Вождь цинично швырнул обломки обратно в короб.

— Попы твоему Владимиру не помогут, — Борята развернул на столе рваный кусок бересты с угольным чертежом дезинфекции детинца. — Известь, которой они стены обмазывают, контур плиты не изолирует. Нам нужно каленое железо. Кузнечный лом. Мы строим «Ковчег», Жирослав. Это не вера, это инженерный проект за заставой. Мне нужно триста пудов кованых криц, чтобы связать угловые дубовые сваи под Мытным двором напрямую со Свароговой жилой. Если не заземлим ворота детинца — по весне весь наш детинец всплывет вместе с грунтовыми водами и трупами лодочников. Лес Ждана я тебе на Волгу не отдам. Бревна лиственницы мне нужны здесь, на заложении фундамента. А железо... железо твое новгородское давай менять на бобровый хвост и куницу. Серебро ваше — мусор. Навь чеканку не принимает. Ей массу подавай.

Дерь подклети с сухим хрустом расмахнулась, впустив в душное помещение струю морозного пара и густой озоновый угар. На пороге стоял Одоба. Сквозь прорехи его истлевшего кафтана серая кость предплечья пульсировала тусклым фиолетовым светом, намертво стягивая сухожилия. Борята медленно поднялся, убирая счета. Смерды и лодочники были для детинца биологическим износом, но этот обгорелый трикстер держал ключи от нижнего нуля.

— Я заземлил Почайну, купец, — Одоба заговорил рубленым, лишенным человеческого эха голосом автомата. — Но Сварогова жила под твоим складом дает просадку. Владимир льет известь на Горе, а она омыляет почву. Контур заклинит к рассвету. Твой «Ковчег» поплывет, Борята, если ты не дашь мне полный вес меди и не уберешь своих мытников с Мертвых Путей лесных родов. Нам твое гнилое серебро не нужно. Нам нужен чистый калорийный баланс.

Борята посмотрел на расколотый слиток в коробе, затем на антрацитовые пальцы Одобы. Циничный кладовщик детинца сразу перевел угрозу на язык торговых удержаний: этот парень не угрожал богами, он выставлял технический ультиматум всей инфраструктуре тракта.

— Ладно, Выжиг, — Борята утер заиндевевшие усы грязной изнанкой рукавицы. — Твоя взяла. Пиши Жданов род в обходной реестр, Некрас. Мытников от шурфов убираю. Но если по весне мои насады с медью сядут на обсидиановое дно ручья — я лично залью твою землянку известью до самого наката. Забирай свои сваи. Пограничный рэкет переходил на прямые акты утилизации.

Глава 5. СНиП-1941

Свод коллектора Д-6 давил на каску. Макар полз по узкому кабельному лотку Пикета-24, упираясь коленями в липкую, маслянистую грязь. Луч налобного диодного фонаря выхватывал из темноты ржавые подвесы, потеки грунтовых вод и толстые, обвитые свинцом высоковольтные нити ААБЛ и АСБ. Пахло не обычным метрополитеном — пахло мокрым, крошащимся бетоном, едким озоном, старым трансформаторным маслом и битумом. Воздух был спертым, стоячим; мелкая бетонная пыль забивалась под респиратор, скрипела на зубах и оседала сухой соленой коркой в ноздрях.

На отметке двадцать четвертого пикета монолитная обделка туннеля пошла глубокими, рваными трещинами. Из них, вопреки ПУЭ и всем СНиПам Корпорации, тянуло сухим, мертвым, космическим холодом Нави, который не имел ничего общего с вентиляционной климатикой Сити. Этот холод выстуживал плоть, заставляя черные линии под кожей Макара туго и болезненно стягивать сухожилия предплечья.

Макар перехватил тяжелый отбойный молоток Bosch и вогнал пику в завал из старого имперского кирпича, перегораживавший кабельный лоток со стороны Александровского сада. Инструмент завыл, высекая снопы белой известковой извести. Кирпич под ударами крошился неохотно, увязая в мазутном субстрате. На третьем метре проходки стена поддалась. Свод рухнул внутрь с глухим, чавкающим звуком, и из пролома на рифленый настил вывалилась не человеческий скелет, а глухая стальная броня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.